

С.А. Сеницын

АБСОЛЮТНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ВЕЩНЫХ ПРАВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ДОКТРИНЕ НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения абсолютных и вещных прав в законодательстве и доктрине правопорядков, образующих правовую систему континентальной Европы. Ставятся вопросы соотношения абсолютных и вещных прав, их системы, совпадающих признаков, возможности систематизации субъективных прав по признаку абсолютности.

Ключевые слова: абсолютное, вещное субъективное право, систематизация субъективных гражданских прав.

В законодательстве правопорядков государств континентальной Европы систематизация субъективных гражданских прав достаточно редко осуществляется по критерию абсолютности и относительности. Однако и в этих редких случаях необходимо различать задачи универсальной и специальной законодательной классификации субъективных прав. В первом случае речь идет о генеральном делении всех существующих субъективных прав на абсолютные и относительные. Значение дихотомии абсолютности и относительности имеет здесь не только формально-классификационное, но и содержательное значение для системы субъективных частных прав. Во втором — о введении дополнительного критерия (признака) абсолютности или относительности к уже установленному законом делению субъективных прав. В последнем случае абсолютность и относительность не воспринимаются в качестве самостоятельной основы классификации, как и самодостаточной характеристики сущностного содержания субъективного гражданского права, а позиционируются в числе одного из признаков, характеризующих иные субъективные права (к примеру, вещные, исключительные, личные).

Франция. Французский гражданский кодекс (СС) — старейший из ныне действующих гражданских кодификаций в романо-германской правовой семье — не предусматривает абсолютности в качестве универсального критерия классификации субъективных гражданских прав, но использует данную характеристику в целях индивидуализации права собственности (ст. 544).

В современной юридической литературе ученые указывают на «относительную значимость» приведенной законодательной формулировки. Признак абсолютности, по мнению разработчиков Кодекса, должен был выразить уничтожение феодальных привилегий и закрепить фундаментальное значение права собственности наравне с правом личности на сво-

боду¹. Данными обстоятельствами подчеркиваются специфические особенности исторического развития французского законодательства, но вряд ли может отрицаться использование законодателем формального приема разграничения права собственности и иных вещных прав по признаку абсолютности. Таким образом, СС определяет абсолютность идентифицирующим признаком права собственности, но не любого вещного права. Как видно, те же традиции планируется сохранить и после реформы вещного права. В §1 моделируемой нормы ст. 534 СС указано, право собственности является «исключительным и вечным». И только в §2 проекта этой же статьи упомянуто об абсолютном характере права собственности. Таким образом, право собственности имеет три отличительные черты: оно является абсолютным (§1), вечным (§2) и исключительным (§3). Эти положения не планируется пересматривать по ходу реформы французского вещного права в ближайшем будущем².

Нельзя сказать, что это единственная точка зрения. Отмечены попытки отождествления вещного и абсолютного права и противопоставление этих понятий правам относительным, к которым, в частности, должны быть отнесены права обязательственные, хотя в настоящее время эта точка зрения нуждается в пересмотре³. Согласно позиции В. Дросса, «относительная сила» обязательственных прав опирается непосредственно на закон, в соответствии с буквальным смыслом которого соглашение признается «законом» лишь для договаривающихся сторон (ст. 1165 СС). Однако концептуальные основы позиции о противопоставлении абсолютных и относительных субъективных гражданских прав В. Дросс находит в том, что необходимость уважения прав и интересов другого члена общества существует в гражданском обществе и правовом государстве как

¹ См. Simler P. Les biens. Grenoble, 2006. P. 34-35.

² См.: Reboul-Maupin N. Droits des biens. Dalloz, 2012. P. 176.

³ Ср.: Dross W. Droit des biens. Montchrestien, 2012. P. 138.

общее понятие для любых субъективных прав, как в отдельности, так и в совокупности.

Каждый обязан соблюдать не только существующее право собственности, но и любое иное субъективное право другого лица независимо от его вида, юридической природы и личности правообладателя. Нам не удастся обнаружить оснований, по которым абсолютным правам в отличие от относительных должны быть свойственны преимущества и привилегии в охране и защите. Также, по нашему мнению, абсолютность и относительность не могут служить критериями отличия вещных и обязательственных прав.

Теоретическая конструкция абсолютности права собственности раскрывается в проявлении абсолютизма. По образному выражению В. Дросса, собственник был задуман по образу «короля-солнца». Он абсолютный монарх: его право не разделяется ни с кем (исключительное право), дает ему априори неограниченную власть над его имуществом (всеобщий характер) и не ограничено никаким сроком действия (вечный характер). Отсутствие конкуренции (§1), материальных (§2), временных (§3) границ прав владельца составляет сущность абсолютности права собственности⁴.

Отсутствуют основания отождествлять, в том числе и по праву Франции, принципиально различные понятия «абсолютный» и «неограниченный». Собственник может осуществлять с вещью только такие физические или юридические действия, которые ему не запрещены, так как у него нет неограниченной власти над вещью. Во второй части ст. 544 СС оговаривается, что собственник не может использовать свое право каким-либо образом, «запрещенным законами или нормативными актами». Аналогичным образом дело обстоит с проектом изменений, подготовленных на базе текущей реформы вещного права — собственнику предоставляется неограниченная власть над вещью, оговаривается применимость «законов, регламентирующих эту власть»⁵. Однако при этом право собственности не теряет своей абсолютности, поскольку последняя не должна ассоциироваться с неограниченностью.

Верховный суд подтверждает абсолютный характер права собственности, считая, что занятие без законных оснований и прав земельного участка или помещения, принадлежащего постороннему лицу, представляет собой очевидно неправомерное нарушение в смысле §1 ст. 809 НСРС, которое судья по итогам рассмотрения поданного иска должен прекратить (Civ. 3, 20 января 2010 г., № 08-16.088). Это положение дает

право в любое время незамедлительно принять меры для выселения без учета личного или семейного положения лиц, не имеющих прав на такой земельный участок или помещение и не располагающих достойным жильем.

В этих условиях Верховный суд подал в Конституционный совет запрос относительно самого определения права собственности, фигурирующего в ст. 544 СС. Цель заключалась в том, чтобы установить, как следует впредь относиться к определению абсолютного характера права собственности. Конституционный совет в своем решении от 30 сентября 2011 г. (№ 2011-69 QPC, М. Консорц и др.) отклонил запрос и подтвердил существующее определение права собственности. Право собственности на самом деле абсолютно по определению, но отнюдь не в своем правовом режиме. Об этом свидетельствует решение от 23 сентября 2011 г., принятое по поводу обеспечения доступа к объектам частной собственности для проведения изысканий в целях общественных работ: «Хотя они и не являются противоречивыми, эти два решения Конституционного совета — от 23 и 30 сентября (№ 2011-69 QPC, М. Консорц и др.; № 2011-172 QPC, Ёрх L. и др.) — выявляют всю двусмысленность права, определенного как абсолютное, но правовой режим которого допускает многочисленные ограничения, в частности, в общественных интересах»⁶.

Во французском гражданском праве делается акцент на том, что Европейский суд по правам человека не использует абсолютность как признак права собственности: «Компетенция конституционных и европейских судей, которые занимаются отношениями между государством и его гражданами, а не отношениями гражданина с окружающими его вещами (вертикальное, а не горизонтальное применение основных законов), достаточно объясняет, что понятие собственности, которое они определили для своих нужд, отличается от понятия собственности, сформированного за две тысячи лет истории гражданского права». Европейские судьи подчеркивают, что в политико-правовом смысле абсолютность как черта права собственности играет конституциональную роль, подчеркивающую значение права собственности как основы жизни общества⁷.

Австрия. Деление гражданских прав на вещные и обязательственные по признаку абсолютности было заложено в Австрийское гражданское уложение 1811 г. (ABGB), в § 307 которого дается понятие вещного и личного вещного права. В буквальном смысле Уложение оперирует понятиями *dingliche Sachenrecht* и

⁴ Dross W. Op. cit. P. 73-74.

⁵ См.: Reboul-Maupin N. Op. cit. P. 178.

⁶ Ibid. P. 177.

⁷ См.: Dross W. Op. cit. P. 73.

personliche Sachenrecht. Эти права различаются по характеру связи субъектов. В силу закона к первым относятся права на вещи, существующие без учета определенных лиц; ко вторым права — на вещи, которые возникают и существуют между определенными лицами. Из приведенных лексико-этимологических особенностей построения правовой нормы не стоит делать вывод о том, что австрийским законодателем различаются вещно-вещные или лично-вещные права в самой подотрасли вещного права. Речь идет лишь о специфике разграничения вещного и обязательственного права по признаку абсолютности. Об этом, в частности, могут свидетельствовать цивилистические исследования прошлого. К примеру, Й.М. Винивартер указывал, что предметная область personliche Sachenrecht раскрывается в контексте §859 ABGB и означает личное право на вещь, в силу которого одно лицо обязано в пользу другого к совершению какого-либо предоставления на основании закона, сделки или причинения вреда⁸.

В настоящее время норма §307 ABGB не утратила юридической силы, и из ее прочтения следует, что австрийский законодатель разграничивает вещные и обязательственные права по признакам абсолютности и относительности. Современные классики австрийской цивилистики считают такую терминологию устаревшей⁹ или же подчеркивают ее историческое значение, утверждая, что изначально данная норма Уложения была направлена на разграничение вещных и обязательственных прав¹⁰. Тем не менее по букве закона вещные и обязательственные права разграничиваются ABGB именно по признакам абсолютности и относительности.

Содержание указанной нормы может быть истолковано и в ином значении, которое бы связало признаки вещности и абсолютности субъективного права со свойствами его объекта. Реалистичность такого толкования требует наступления двух формальных условий: 1. объектом права должна быть вещь; 2. существование права не должно зависеть и распространять свое действие на неопределенный круг лиц. Однако и такой подход вызывает вопросы, связанные со значением объекта права для целей классификации субъективных гражданских прав. Вещная, и в силу закона (§307 ABGB) — абсолютная характеристика дается праву в зависимости от того, отвечает ли его объект признакам вещи или нет: вещь обречена неот-

ступно следовать тенью за любым правом, объектом которого является вещь.

В таком случае разграничение вещных и обязательственных прав проводится по объекту, в то время как последний не может быть возведен в ранг специфического признака не только абсолютного, но и любого субъективного права. Объект права не способен с логической последовательностью, точностью и неизбежностью предрешишь содержание субъективного права, как и его физические свойства не могут сформировать основание соответствующей классификации гражданских прав.

Абсолютность и относительность, вещьность и обязательственность с различных сторон подчеркивают именно содержательную составляющую субъективного права, образуя фундамент той или иной классификации субъективных гражданских прав. На этой основе определяется основание соответствующей классификации субъективных гражданских прав, их признаки и система, критерии разделения непосредственно в системе законодательства правопорядка.

Выделение dingliche Sachenrecht и personliche Sachenrecht следовало бы считать особенностью австрийского гражданского права. Германские цивилисты прямо отрицают возможность существования понятия personliche Sachenrecht¹¹.

Германия. Несмотря на сверхразвитые доктринальные положения, деление прав на абсолютные и относительные в основу гражданской кодификации Германии заложено не было. Попыток включения в текст закона этого критерия различия также не обнаруживается. Так, в Мотивах к проекту германского гражданского уложения подчеркивалось, что понятие вещьности, на котором основывается проект, не совпадает с абсолютностью, а ряд обязательственных прав имеет абсолютное действие¹². Законодательное разделение вещных и обязательственных прав по праву Германии также не связано с признаваемыми законом различиями абсолютных и относительных прав. С одной стороны, это проявляется на примере многих положений обязательственного права, которые есть в разделе Кодекса о вещных правах (§987, 989 BGB). С другой — может показаться, что именно обязательственным правом регулируется ряд важнейших аспектов прав абсолютных. Прежде всего стоит обратить внимание на деликтную природу защиты правовых ценностей, обозначенных в §823 BGB. Это также касается «прочего права» —

⁸ См.: Winiwarter J.M. Das Personliche Sachenrecht. Wien, 1844. S. 2.

⁹ См.: Koziol H. Welsch R. Buergerliches Recht. Wien, 2006. Bd. 1. S. 240.

¹⁰ См.: Schwimann M. ABGB Praxiskommentar. Wien, 2005. S. 39.

¹¹ См.: Foerster F. Theorie und Praxis des heutigen preussischen Privatrechts. Berlin, 1868. Bd. 3. S. 2.

¹² Motive zu dem Entwurfe eines buergerlichen Gesetzbuches fuer das Deutsche Reich, 1888; auch abgedruckt bei Mugdan. Bd. III. S. 2.

sonstige Recht, поскольку в качестве одного из главных квалифицирующих признаков, необходимых для причисления к этой категории, называется исключительный характер права, который видится комментаторам в свойстве абсолютности права¹³.

В современной юридической литературе подчеркивается важность теоретического аспекта разграничения абсолютных и вещных прав, говорится о том, что, хотя речь и идет о теоретическом вопросе, его выяснение необходимо для понимания систематики положений BGB¹⁴.

Однако следует обратить внимание на следующие дискуссионные положения, которые основываются на непосредственном толковании и комментариях положений BGB, напрямую регулирующих институты вещного права, затрагивая его свойства как абсолютного права. Примечательно, что в современной литературе абсолютность вещного права не всегда рассматривается как неотъемлемое, отличительное и универсальное свойство всех вещных прав. Такой подход, на наш взгляд, заставляет усомниться в характеристике абсолютности как общепризнанного, безусловного и едва ли не главного признака вещной природы субъективного гражданского права.

Одни авторы в связи с этим рассматривают абсолютные права не в качестве определенной группы субъективных гражданских прав, а в значении общей характеристики правовой относимости — Zuordnungsrecht¹⁵. В данном случае не выделяется каких-либо отличительных признаков абсолютных прав и не предлагается критерий построения их системы.

Во главу угла ставится постулат о действии абсолютного права против всех, защите по принципу contra omnes, противопоставлении абсолютных и относительных прав. Однако возникает вопрос, имеющий принципиальное значение, о причинах, необходимости и значении противопоставления управомоченного лица всем прочим лицам.

Полагаем, что при таком подходе характеристика заведомо дается не отличительным признакам и свой-

ствам субъективного гражданского права, а особенностям взаимоотношения субъектов, подчиненных конкретному правопорядку. Примечательно, что «тип связи» субъектов определяет особенности структурных связей лиц, но, по нашему мнению, не может определять особенности содержания тех или иных субъективных гражданских прав. В некоторых исследованиях специально подчеркивается, что принцип абсолютности гласит: вещное право действует не в отношении кого-либо конкретно, а в отношении всех лиц без исключения, но в то же время именно с абсолютными правами связана более сильная правовая позиция, чем с относительными¹⁶. Здесь акцент делается на совершенно различных аспектах, взаимосвязь которых никак не объясняется. В действительности речь идет о категориях внутреннего содержания и действия права, настоятельно требующих изучения.

Другие ученые, определяя основные признаки, принципы вещных прав говорят об абсолютности как о характеристике права собственности¹⁷ или владения¹⁸. В этом случае речь идет лишь о конкретных видах вещных прав и особых гражданско-правовых состояний, природа которых остается невыясненной. В качестве одного из аргументов этой позиции принято ссылаться на § 903 BGB, закрепляющий, что собственник в той мере, в которой это позволяют закон и права третьих лиц, свободен в распоряжении вещью по своему усмотрению и вправе устранить любое воздействие со стороны третьих лиц. Однако в данном случае законодатель говорит о нормативной характеристике права собственности как более полного вещного права, а не любого абсолютного права и тем более не гражданско-правового состояния, к которому может быть отнесено беститульное владение. В связи с этим считаем, что речь идет об индивидуальной характеристике права собственности, что исключает расширительное толкование данной нормы.

Само решение о допустимости причисления владения к видам вещных прав видится весьма спорным ввиду научных дебатов по этой проблематике, а главное — вследствие отсутствия обстоятельных ответов на высказанные в юридической литературе аргументы ученых, занимающих противоположную точку зрения. Важно и то, что эта позиция заведомо искусственно ограничивает круг абсолютных прав, обостряет вопрос об их индивидуальных признаках, а также проблему соотношения прав вещных и абсолютных.

¹³ См.: Palandt Kommentar zum Buergerliches Gesetzbuch. Muenchen, 2004. §823 BGB; Staudingers Kommentar zum Buergerliches Gesetzbuch mit Einfuehrungsgesetz und Nebengesetzen. Berlin, 2002. §823 BGB; Muenchen Kommentar zum Buergerliches Gesetzbuch. Bd. 6. Sachenrecht. Muenchen, 1997. §823 BGB. Спорным остается вопрос о том, является ли характеристика абсолютности достаточной для признания права прочим в соответствии с положениями §823 BGB. Ср.: Fabricius F. Zur Dogmatik des „sonstigen Rechts“ gemaess §823 Abs. I BGB // AcP. 1961. Bd. 160. S. 299-307; Loewisch M. Der Deliktsschutz relativer Rechte. Berlin, 1970. S. 17.

¹⁴ См.: Westermann H., Westermann H.P., Gursky K.H., Eickmann D. Sachenrecht. Heidelberg, 2011. S. 3.

¹⁵ Wolf M., Wellenhofer M. Sachenrecht. Muenchen, 2010. S. 2.

¹⁶ См.: Vieweg K., Werner W. Sachenrecht. Jena, 2010. S. 4.

¹⁷ Ср.: Schreiber K. Sachenrecht. Stuttgart, 2008. S. 28.

¹⁸ См.: Meder S., Gzel A. Grundwissen Sachenrecht. Tuebingen, 2008. S. 4.

Наконец, третья группа ученых предлагает считать, что отождествление вещных и абсолютных прав в целом может быть допустимым. Однако это не означает, что абсолютными являются только вещные права — «Das darf nicht zu dem Fehlschluss verleiten, nur Sachenrechte seien absolute Rechte»¹⁹.

Особенностью данной точки зрения является то, что группа абсолютных прав отождествляется с вещными правами в целом, в то время как абсолютность позиционируется как особое свойство вещи (Absolute Wirkung), то есть речь идет об особых последствиях вещной природы субъективного гражданского права, в связи с чем абсолютность рассматривается не как первопричина, а только как следствие, порожденное вещной природой субъективного права.

Одновременно авторы отмечают, что помимо вещных прав признаются абсолютными патентные, авторские, личные права. Из этого следует, что положение, согласно которому группа абсолютных прав шире вещных прав, здесь не оспаривается. В тоже время именно эта авторская оговорка (признание) ослабляет значимость заключений о взаимозависимости вещного и абсолютного права.

Примечательно также и то, что отличительную особенность абсолютных и относительных прав авторы видят в том, что абсолютность вещных прав проявляется в том, что статус правообладателя не устанавливается другим лицом. Полагаем, что это положение может быть признано спорным в отношении ряда ограниченных вещных прав, которые требуют согласованного волеизъявления непосредственно будущего правообладателя и собственника вещи. Причем это взаимодействие может касаться не только возникновения ограниченных вещных прав, но также и их осуществления. В случае отрицания абсолютной природы ограниченных вещных прав придется признать абсолютность лишь права собственности, что, полагаем, было бы необоснованным решением.

В целом вещные права признаются абсолютными, так как их действие распространяется на всякого и каждого. Подчеркивается, что именно абсолютные вещные права пользуются всеобъемлющей защитой посредством особых вещных требований²⁰. При этом сложно понять, почему практическая сфера применения виндикационного (§985 BGB) и негаторного (§1004

BGB) исков распространяется на защиту субъективных гражданских прав, природа которых изначально далека от вещной.

Сведение содержания абсолютного права к возможности запрета всем без исключения совершения тех или иных действий приводит к выводу, что основное содержание абсолютного права заключается в особом запретительном полномочии (запретить всем и каждому влиять на вещь), что, в свою очередь, не позволяет приблизиться к решению вопроса о непосредственном материальном содержании и специфике абсолютного права.

Кроме того, применение виндикационного и негаторного иска возможно только в случае правонарушения, установления личности правонарушителя. Очевидно, что речь идет об отношении конкретного правообладателя и правонарушителя, в соответствии с которым правообладатель обладает притязанием вернуть вещь, которой неправомерно обладает правонарушитель, или прекратить на нее чинимое воздействие. Правонарушитель несет соответствующую обязанность активного типа перед правообладателем. В случае исковой защиты нарушенного права суд проверяет законность и обоснованность действий правообладателя и правонарушителя.

В отношениях правообладателя и других лиц до правонарушения речь идет об охране существующего правового положения, действию норм объективного права, но не о защите субъективного гражданского права непосредственно. Кроме того, в стадии, предшествующей правонарушению, значимость абсолютности вещного права четко не усматривается ввиду отсутствия самого правонарушения, если, конечно, следовать подходу, что свойство абсолютности проявляется преимущественно в условиях правонарушения.

Нидерланды. Деление имущественных прав на абсолютные и относительные было воспринято при разработке первого Гражданского кодекса Нидерландов 1838 г. Классификация имущественных прав предполагалась по абсолютному или относительному признаку. С начала XX в. Кодекс проводил различия между вещными правами с абсолютным эффектом и обязательственными, связывающими строго определенных лиц. С изменением редакции ст. 6:252 BW этот критерий утратил прежнее значение. Разработчики действующего Гражданского кодекса Нидерландов 1992 г. намерено отказались от общего законодательного разделения абсолютных и относительных прав²¹. Однако до настоящего времени в правосознании вещ-

¹⁹ Brehm W., Berger C. Sachenrecht. Tuebingen, 2006. S. 9.

²⁰ Ibid. 8. Исключительное проявление абсолютности вещного права отдельные авторы видят в защите вещного права. (Ср.: Lüke W. Sachenrecht. München, 2010. S. 13). Полагаем, что абсолютность вещного права является устойчивой содержательной характеристикой субъективного права. Свойства абсолютности отнюдь не исчерпываются случаями правонарушения и защиты права.

²¹ См.: Meijers E.M. Wijzigingen en aanvullingen van het Burgerlijk Wetboek na 1838'. P. 109-136; Idem. La réforme du code civil néerlandais'. Paris, 1948. P. 159-173.

ные права рассматриваются как абсолютные, а обязательственные — как относительные, в чем видится их коренное различие²².

Вместе с тем цивилисты отмечают сложность данной проблемы и говорят о разграничении абсолютных и относительных прав как о вечной дилемме²³. Е.М. Майерс признал именно научное значение дихотомии прав на абсолютные, относительные и наследственные на том основании, что такое деление вскрывает структурные особенности различных прав²⁴, но оговорился, указав, что в остальном в правовой системе современности оно заслуживает внимания только в той мере, в какой совпадает с другой классификацией, которая становится все более значимой в кодификациях новейшего времени. В этом качестве Е.М. Майерс называет личные, имущественные, семейные и членские права.

Получается, что самостоятельность деления прав на абсолютные и относительные ставится под сомнение.

Однако как следует объяснять трехчленную классификацию прав, предложенную Е.М. Майерсом? Обратимся к первоисточнику. Ученый отмечает, что относительные права — это права, которые вытекают из обязательств, накладываемых объективным правом на одно лицо или несколько лиц. Абсолютные права, напротив, основаны на обязанности, возложенной на каждое лицо в интересах правообладателя. Основой наследственных прав является юридическая возможность изменить существующие правоотношения заявлением собственных притязаний на открывшееся наследство²⁵. Обращает внимание неоднородность предлагаемой классификации, колеблющая ее единство и целостность. Так, автономия абсолютных и относительных прав обосновывается различием численного состава и действиями обязанных лиц, в то время как наследственные права, напротив, характеризуются исключительно действиями управомоченного лица, которым приписываются правопорождающие свойства. Кроме того, остается неясным, почему согласно излагаемой логике наследственные права не могут считаться абсолютными: едва ли все прочие (третьи) лица не связаны обязанностью не нарушать и не вмешиваться в осуществление прав наследника.

²² См.: Rank-Berenschot E. *Over de scheidslijn tussen goederen- en verbintenissenrecht*. Deventer, 1992.

²³ См.: Th.F. Jong. *De structuur van het goederenrecht*. Deventer, 2006. P. 134.

²⁴ См.: Meijers E.M. *Algemene leer van het burgerlijk Recht*. Lieden, 1948. P. 266.

²⁵ Ibid.

Чехия. В свете рассмотрения вопросов о законодательной дифференциации абсолютных и относительных прав требует рассмотрения текущая реформа чешского гражданского законодательства. Часть третья нового гражданского кодекса Чехии (*Občanský zákoník — OZ*) посвящена правовой регламентации абсолютных имущественных прав и состоит из трех глав: общие положения; вещные права (владение, собственность, ограниченные вещные права, управление чужим имуществом); наследственное право²⁶. Анализ структуры гражданского кодекса Чехии позволяет заключить, что законодатель прямо называет только два вида абсолютных имущественных прав: вещные и наследственные права.

Речь идет не о введении в закон отдельного критерия различия между вещными и обязательственными правами по признаку абсолютности, а о крупном, универсальном делении всей системы имущественных прав. В данном случае уместно говорить о введении законодателем общего критерия классификации имущественных прав по признакам абсолютности и относительности. Детального исследования требуют признаки абсолютных имущественных прав, сформулированные непосредственно законодателем. Параграф 976 OZ закрепляет диспозитивную норму, согласно которой абсолютные имущественные права действуют в отношении каждого, если закон не устанавливает обратного, а §977 OZ, напротив, — императив, что только закон устанавливает, какие права на имущество являются абсолютными. Возникает вопрос о содержании абсолютного права. Получается, что направленность или действие права против всех третьих лиц не во всех случаях может считаться признаком абсолютного права, что исключает использование данного критерия в качестве универсального признака юридической природы субъективного гражданского права. Устанавливаемый законом закрытый перечень субъективных прав (*Numerus clausus*) преимущественно рассматривается как особый признак вещных прав и не может быть использован без должного обоснования в качестве единственного устойчивого признака для абсолютных прав, тем более если учесть, что в §978 OZ закрепляется возможность уклониться (отступить) от законодательных предписаний об абсолютных имущественных правах посредством соглашения с третьими лицами.

Принятый чешским законодателем подход к определению видов абсолютных прав не дает ответа на вопрос, почему в их числе не могут быть названы исключительные права. Причины столь неординарного законодательного решения следует искать в пояснительной

²⁶ *Sbírka zákonů*. 2012. č. 89. S. 113.

записке к проекту кодекса, где сказано, что «общая либерализация правового регулирования частной жизни, являющаяся целью реформы, требует четкого различения абсолютного и относительного имущественного права»²⁷. Общие задачи развития системы частного права, и тем более либерализации гражданского общества, не оправдывают законодательной классификации имущественных прав на абсолютные и относительные. Думается, причины избранного законодателем решения следует искать в теории чешского права, традиции которой рассматривают абсолютные права главным образом как вещные²⁸, делая акцент на том, что именно «проблемы права собственности как абсолютного права... приводят к построению или отрицанию теории абсолютных прав»²⁹. Нам не удалось встретить иной достаточной аргументации, которая позволила бы ставить вопрос о необходимости законодательного деления имущественных прав на абсолютные и относительные в гражданском законодательстве Чехии, равно как и усмотреть в формулировках законодателя четких и устойчивых признаков, идентифицирующих абсолютные права. Буквальное толкование общей части, посвященной абсолютным имущественным правам, не позволяет выделить из ГК Чехии общую нормативную основу регулирования абсолютных прав, которая могла быть реципирована правовыми системами иных правовых порядков в ходе реформы собственного гражданского законодательства.

Россия. *Expressis verbis* российское гражданское законодательство никогда не разграничивало вещные и обязательственные права по принципу их абсолютности или относительности. Анализ наметившихся тенденций развития законодательства также не позволяет признать абсолютность квалифицирующим признаком разграничения вещных и обязательственных прав. Об этом свидетельствуют положения Концепции развития гражданского законодательства РФ и Концепции развития законодательства о вещном праве³⁰, а также проектируемые нормы поправок в действующий ГК РФ (ст. 222)³¹, где абсолютность не указывается как признак

вещного права. Это обстоятельство подчеркивает особенность развития отечественного правового порядка.

Пункт 3. ст. 222 Проекта изменений устанавливает именно абсолютную защиту вещного права, но не абсолютность как признак самого вещного права и его содержание. Вещные права защищаются от их нарушения, совершаемого любым лицом, независимо от того, известен этот нарушитель или нет.

В современной теории российской гражданского права характеристика абсолютности вещных прав также не лишена своеобразия. Е.А. Суханов предлагает видеть абсолютность вещного права в его действии в отношении всех прочих лиц, поскольку вещные права действуют против всех лиц, именно все прочие должны быть ясно осведомлены о содержании и видах указанных прав, количество которых должно быть обозримым, а новые правообладатели должны знать заранее, что именно ими приобретается³².

Однако вопросы радиуса действия субъективного права сами по себе малоизучены и их научно-теоретическая и практическая ценность для решения вопросов о сущности, содержании, классификации субъективных гражданских прав неочевидна. Можно ли представить себе существование прав, гипотетическая возможность нарушения которых заведомо бы исключалась неограниченным числом существующих в обороте лиц (любым и каждым), о которых правообладателю до момента правонарушения даже известно не было, а личность потенциального правонарушителя напротив заведомо замыкалась бы лицом, состоящим с правообладателем в конкретных правовых отношениях? Положительный ответ на этот вопрос спровоцировал бы вывод о том, что правонарушителем в такой ситуации мог бы считаться исключительно контрагент того же собственника. Но как быть в той ситуации, когда любое не связанное с собственником лицо все-таки окажется способным к правонарушению? И какова в данном случае сила высказанных предположений?

Нельзя сказать, что похожая интерпретация существа вещного права не знакома германским цивилистам. К примеру, Х.Й. Вилинг отмечает, что абсолютность характерна для вещных прав, т.к. вещные права действуют в отношении не конкретного должника, а всех лиц без исключения.

Интересно, что далее следует, на наш взгляд, существенная оговорка: действие некоторых вещных прав эффективно лишь в отношении определенных лиц. Ученый ссылается на случаи, когда в отношении вещи собственника установлен запрет на ее отчуждение в пользу конкретных лиц (§135, 136 BGB). Х.Й. Вилинг

²⁷ Důvodová zpráva. S. 251.

²⁸ См.: Slunéčova J. Existuje absolutní právní vztah? // Právník. Praha, 1989. Roc. 128. Č. 1. S. 31. Ср.: Čapek K. Předmět a systém hospodářského práva. Praha, 1984. S. 74.

²⁹ Slunéčova J. Op. cit. S. 34.

³⁰ См.: Концепция развития гражданского законодательства РФ. М., 2009. С. 76. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ. 2009. №4. С. 114.

³¹ См. проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³² См.: Суханов Е.А. Понятия и виды вещных прав // Е.А. Суханов Проблемы реформирования гражданского кодекса России. Избранные труды. 2008-2012. М., 2013. С. 314.

называет право собственности в таком случае относительным — *Relative Eigentum*³³.

Следует учесть, что эти ограничения являются, как правило, временными и их действие распространяется лишь на определенных лиц — заинтересованных, круг которых определен законом. Полагаем, в данном случае уместнее говорить об особой разновидности права собственности, в структуре которого учтены не только права и интересы правообладателя, но и права и интересы особой группы лиц. Однако существование этой «особой разновидности» не может повлечь противостояния отношений абсолютной и относительной собственности как самостоятельных гражданско-правовых категорий в системе вещного права. Тем более ничем не обоснован вывод о принципиально различных задачах правового регулирования в этом случае. Открытым остается вопрос о значении классификации субъективных гражданских прав на абсолютные и относительные, в особенности о возможности использования признака абсолютности для нормативной систематизации прав вещных.

Вопросы нормативной определенности содержания и конкретных видов вещных прав характеризуются свойством их публичности и ограничен-

ного перечня — *Numerus clausus*, что далеко не одно и то же с их абсолютностью. Совсем другую характеристику существа вещных прав предлагает В.П. Мозолин, считая, что вещные права предоставляют их субъекту независимо от кого бы то ни было другого воздействовать на вещь³⁴. Однако обосновано ли возмещение собственного выбора в совершении тех или иных действий с вещью считать определяющим признаком абсолютности вещной природы субъективного права? Неужели не существует иных субъективных прав с теми же признаками, юридическая природа которых далека от вещных прав? В ином ключе рассуждает А.Г. Диденко, который, с одной стороны, не видит возможности аргументации единого универсального определения вещного права и их однородной системы³⁵, с другой — не считает абсолютность квалифицирующим признаком вещных прав и прямо допускает существование субъективных прав «с вещным элементом», не образующих самостоятельного класса прав³⁶. Полагаем, что при таком понимании страдает однородность и внутреннее единство как самой подотрасли вещного права, так и системы субъективных гражданских прав в целом.

Библиографический список:

1. Brehm W., Berger C. *Sachenrecht*. Tuebingen, 2006.
2. Čapek K. *Předmět a systém hospodářského práva*. Praha, 1984.
3. Dross W. *Droit des biens*. Montchrestien, 2012. P.
4. Fabricius F. *Zur Dogmatik des „sonstigen Rechts“* gemäss §823 Abs. I BGB // *AcP*. 1961. Bd. 160.
5. Foerster F. *Theorie und Praxis des heutigen preussischen Privatrechts*. Berlin, 1868.
6. Koziol H. Welser R. *Buergerliches Recht*. Wien, 2006. Bd. 1.
7. Loewisch M. *Der Deliktsschutz relativer Rechte*. Berlin, 1970.
8. Lüke W. *Sachenrecht*. München, 2010.
9. Meder S., Gzelk A. *Grundwissen Sachenrecht*. Tuebingen, 2008.
10. Meijers E.M. *Algemene leer van het burgerlijk Recht*. Lieden, 1948.
11. Meijers E.M. *La réforme du code civil néerlandais*?. Paris, 1948.
12. Meijers E.M. *Wijzigingen en aanvullingen van het Burgerlijk Wetboek na 1838*’.
13. *Motive zu dem Entwurfe eines buergerlichen Gesetzbuches fuer das Deutsche Reich*, 1888; auch abgedruckt bei Mugdan. Bd. III.
14. *Muenchen Kommentar zum Buergerliches Gesetzbuch*. Bd. 6. *Sachenrecht*. Muenchen, 1997.
15. *Palandt Kommentar zum Buergerliches Gesetzbuch*. Muenchen, 2004.
16. Rank-Berenschot E. *Over de scheidslijn tussen goederen — en verbintenissenrecht*. Deventer, 1992.
17. Reboul-Maupin N. *Droits des biens*. Dalloz, 2012.
18. Schreiber K. *Sachenrecht*. Stuttgart, 2008.
19. Schwimann M. *ABGB Praxiskommentar*. Wien, 2005.

³³ См.: Wieling H.J. *Sachenrecht*. Heidelberg, 2005. S. 22.

³⁴ См.: Мозолин В.П. *Гражданское право / учебник*. М., 2005. Т. 1. С. 317.

³⁵ См.: Диденко А.Г. *Проблемы вещного права // Проблемы современной цивилистики / сб. статей памяти проф. С.М. Корнеева*. М., 2013. С. 132, 138.

³⁶ Там же. С. 134.

21. Simler P. Les biens. Grenoble, 2006.
22. Slunéčova J. Existuje absolutní právní vztah? // Právník. Praha, 1989. Roc. 128.
23. Staudingers Kommentar zum Bürgerliches Gesetzbuch mit Einfuehrungsgesetz und Nebengesetzen. Berlin, 2002.
24. Th.F. Jong. De structuur van het goederenrecht. Deventer, 2006.
25. Vieweg K., Werner W. Sachenrecht. Jena, 2010.
26. Westermann H., Westermann H.P., Gursky K.H., Eickmann D. Sachenrecht. Heidelberg, 2011.
27. Wieling H.J. Sachenrecht. Heidelberg, 2005.
28. Winiwarter J.M. Das Personliche Sachenrecht. Wien, 1844.
29. Wolf M., Wellenhofer M. Sachenrecht. Muenchen, 2010.
30. Диденко А.Г. Проблемы вещного права // Проблемы современной цивилистики / сб. статей памяти проф. С.М. Корнеева. М., 2013.
31. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009.
32. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ. 2009. №4.
33. Мозолин В.П. Гражданское право: учебник. М., 2005. Т. 1.
34. Суханов Е.А. Понятия и виды вещных прав // Е.А. Суханов Проблемы реформирования гражданского кодекса России. Избранные труды. 2008-2012. М., 2013.

References (transliteration):

1. Didenko A.G. Problemy veschnogo prava // Problemy sovremennoy civilistiki / sb. statey pamyati prof. S.M. Korneeva. М., 2013.
2. Konceptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. М., 2009.
3. Konceptsiya razvitiya zakonodatel'stva o veschnom prave // Vestnik VAS RF. 2009. №4.
4. Mozolin V.P. Grazhdanskoe pravo / uchebnik. М., 2005. Т. 1.
5. Suhanov E.A. Ponyatiya i vidy veschnyh prav // E.A. Suhanov Problemy reformirovaniya grazhdanskogo kodeksa Rossii. Izbrannye trudy. 2008-2012. М., 2013.